

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ, Д.Ю. МЕРКУЛОВА, Ю.В. СОЛОВЬЕВА

ЖИТЕЛИ НОВЫХ РОССИЙСКИХ ПРИГОРОДОВ: «ЧУЖИЕ» ИЛИ «СВОИ»?¹

DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3066

Аннотация. В статье представлены результаты исследования формирования городских сообществ в новых пригородах крупных российских городов. С конца 2000-х годов на фоне роста численности городского населения и дефицита доступного жилья на рынке недвижимости в ряде крупных городов РФ начали реализовываться проекты комплексной застройки территорий, расположенных в непосредственной близости от «материнских» городов. К таким территориям можно отнести изученные нами жилые районы в Самаре, Ростове-на-Дону и Кемерово.

Цель проведенного исследования – социально-демографическое описание местных сообществ и их сравнение с жителями других городских районов. Ключевыми задачами исследования являлись изучение социально-демографических характеристик населения, источника его миграции, вероятности исходящей миграции; измерение показателей оптимизма / пессимизма в пригороде и традиционных городских районах. Основная гипотеза нашего исследования – утверждение, что основную массу поселенцев составляют жители других районов «материнского города».

В эмпирическую базу исследования вошли данные опросов населения новых городских районов методом личного интервью, проведенные в период с ноября 2014 по март 2015 г. Объем выборки в каждом из них составил 500 человек.

Звоновский Владимир Борисович – доктор социологических наук, зав. кафедрой социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет. **Адрес:** 443041, Самара, ул. Советской Армии, д. 141. **Телефон:** 8 (846) 933-80-70.

Электронная почта: zvb@fond.sama.ru

Меркулова Дарья Юрьевна – кандидат философских наук, руководитель аналитического отдела, Фонд социальных исследований (г. Самара). **Адрес:** 443041, Самара, ул. Красноармейская, д. 70.

Телефон/факс: 8 (846) 229-67-33.

Электронная почта: research@fond.sama.ru

Соловьева Юлия Васильевна – ведущий аналитик Фонда социальных исследований (г. Самара). **Адрес:** 443041, Самара, ул. Красноармейская, д. 70.

Телефон/факс: 8 (846) 229-67-33.

Электронная почта: solovjova@fond.sama.ru

¹ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента РФ № 11-рп от 17.01.2014 и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Исследование показало, что новые пригороды, выросшие за последние пять лет рядом с крупными российскими городами, привлекают работающих людей высокого и среднего социального статуса, среднего и отчасти младшего возраста, преимущественно семейных. Выдвинутая гипотеза подтвердилась: в пригороды, то есть на новое место, в новое жилье с новой коммунальной инфраструктурой, переезжают жители традиционных районов города.

Ключевые слова: город, пригород, миграции, повседневность, оптимизм, пространство.

С конца 2000-х годов на фоне роста численности городского населения и дефицита доступного жилья на рынке недвижимости в ряде крупных городов РФ начали реализовываться проекты комплексной застройки территорий, расположенных в непосредственной близости от «материнских» городов. Новый тип комплексной застройки отличаются такие черты, как масштабность (это — не квартал, не улица, а целый поселок), строительство «с нуля», со всей инженерной, транспортной и социальной инфраструктурой, ориентация на доступные недорогие квартиры и короткие сроки строительства.

К таким поселкам можно отнести жилые микрорайоны «Крутые ключи» и «Южный город» в Самаре, «Западные ворота» (или Левенцовка) в Ростове-на-Дону, «Лесная поляна» в Кемерово. Их объединяет расположенность вокруг сложившихся крупных областных центров (Самара и Ростов-на-Дону — «города-миллионники», Кемерово — более полумиллиона жителей) и большое (не менее 10 тыс. человек) собственное население. Для российской действительности это новые формы градостроительства. Масштабные комплексные пригородные застройки, сохраняя признаки городской среды, обеспечивают лучшую экологическую обстановку за счет удаленности от традиционных районов города, привлекая покупателей недвижимости и формируя новое территориальное сообщество [1, с. 58].

Специальные исследования поведения жителей поселков современной застройки, удаленных от крупного города, пока не проводились. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, собственно объект такого исследования последние 50 лет в России был крайне малочисленным. После создания в конце 1950-х Академгородка под Новосибирском новых проектов такого масштаба в СССР, а затем в России, практически не возникало. Исключением здесь, пожалуй, стали Автозаводский район Тольятти, построенный рядом с АвтоВАЗом; Автозаводский район Набережных Челнов (так называемый Новый город), который был образован после строительства жилых кварталов для работников КАМАЗа; район Авиастроителей в Ульяновске, связанный со строительством авиакомплекса «Авиастар». Однако эти районы стали круп-

ными административными единицами городов: сегодня население Автозаводского района Тольятти составляет более 60% населения всего города; Автозаводской район Набережных Челнов – самый большой по численности и плотности населения и средний по территории район города; а население района Авиастроителей в Ульяновске составляет примерно 2/3 от населения Заволжского района города. В большинстве же других случаев новые крупные районы городов либо возводились внутри сформировавшейся городской среды, либо непосредственно к ней прилегали.

Во-вторых, уклад жизни, возникающий в новых городских районах, изучался чаще всего в рамках индустриальных исследований (проводимых, например, социологической службой). А действия, стратегии и интересы социальных групп и институтов, вовлеченных в формирование новых городских районов, сегодня, как правило, не согласованы. Например, чаще всего застройщик не возводит объекты социальной сферы, или же процесс передачи их в собственность муниципалитета занимает длительный период.

В третьих, авторов существующих исследований жизни в новых городских районах более интересовали вопросы формирования комфортной городской среды, нежели изучение форм массового сознания и социального поведения различных групп жителей.

Мировой опыт градостроительства знает примеры полного развала и умирания социальных жилищных проектов, построенных «с нуля» (пример – район Прюит-Игоу в Сент-Луисе в 1950-е гг. в США) [8, с. 64]. Сегодня актуальным становится вопрос социологического изучения российских социальных жилищных проектов – станут ли новые пригороды средой жизни или же пространством выживания; возникает ли там самодостаточное локальное сообщество или для живущих там людей характерны разобщенность, ощущение оторванности, периферийности существования [7, с. 96].

Урбанистические проекты советского периода (Академгородок, Автозаводские районы Тольятти и Набережных Челнов) формировались единым центром принятия решений, Госпланом или Академией наук. Основную долю населения там составляли переселенцы, то есть жители других городов или сельской местности, других регионов страны. Они приезжали на новую для себя территорию и получали жилье на возведенной специально для них городской периферии.

В новых урбанистических проектах недвижимость находила спрос на открытом рынке среди жителей «материнских» городов и тех, кто хотел бы стать ими. Частичное исключение на первом этапе составляли «Западные Ворота» и «Крутые Ключи», где квартиры получали уволенные в запас военнослужащие по целевой программе министерства обороны, но и там со временем стали доминировать жильцы, купившие квартиры по своему выбору с учетом их досто-

инств и недостатков. В результате в новых районах формировался специфический состав жителей, имеющих намерения и возможности строить свое будущее.

Очевидно, что источник миграций в быстро растущие пригороды сегодня может отличаться от того, который был характерен для советского периода урбанизации. Главная гипотеза нашего исследования – предположение, что основную массу поселенцев пригородов составляют жители «материнского» города, полагающие свое новое место жительства лучшим в сравнении с традиционными районами. Такая внутригородская миграция ведет к освобождению городских пространств в центральных районах, что теоретически должно вести к их запустению и возможной последующей джентрификации.

Ключевыми задачами исследования было рассмотрение социально-демографических характеристик жителей новых пригородов в сравнении с населением других городских районов; изучение источника их миграции, вероятности исходящей миграции; измерение показателей оптимизма / пессимизма в пригороде и традиционных городских районах. В таблице 1 приведены самые общие характеристики новых пригородов, в которых был реализован проект².

Таблица 1

Общие характеристики новых пригородов

Общие характеристики	Названия пригородов			
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»
год заселения первых жильцов	осень 2010 г.	весна 2014 г.	весна 2013 г.	осень 2008 г.
примерная численность населения на 1.04.2015, чел.	35 000	5 000	20 000	10 000

Демографический портрет жителей новых российских пригородов

Доля мужчин среди жителей новых пригородных районов составляет 46–48% и практически соответствует данному показателю как для городского населения всей России, так и для трех городов, охваченных проектом.

² Опросы, репрезентирующие населения микрорайонов, были проведены в рамках первого этапа исследовательского проекта «Новые городские пространства: вызовы и возможности самоуправления», осуществляемого самарской общественной организацией «Фонд социальных исследований». При реализации проекта использовались средства государственной поддержки (см. сноску 1).

Возрастной состав жителей новых микрорайонов варьируется в значительно большей степени (см. табл. 2). Так, если в среднем среди жителей районов доля людей пенсионного возраста составляет 12%, то в ростовских «Западных воротах» их в полтора раза больше (18%). Судя по всему, это отражает «военное» происхождение поселка. «Лесная поляна» же изначально возникла как элитный поселок: первыми сюда приехали люди в экономически активном возрасте. Затем социальная среда стала более разнообразной, но доля лиц младшего среднего возраста осталась очень высокой (58%). Возрастной состав населения самарских поселков более однороден. Лишь жителей «Южного города» отличает чуть более весомая доля молодежи. Это может быть связано с тем, что заселение поселка началось всего год назад.

Таблица 2

Возрастной состав жителей новых пригородов, %

Возраст, лет	Названия пригородов				Все
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»	
18–29	35	40	30	21	31
30–44	42	41	38	58	45
45–54	12	11	13	11	12
55 и старше	11	9	18	9	12

Во всех изучаемых районах доля младших возрастных групп (до 55 лет) превышает 80% (а в двух – даже 90%) и значимо выше аналогичного показателя в «материнских» городах» (70–75%). Доля молодежи в самарских поселках существенно выше средней в городе, немного выше средней по Ростову-на-Дону аналогичная доля в Левенцовке. И в этом смысле все три поселка можно назвать молодежными. А вот доля молодых обитателей «Лесной поляны» немного ниже средней по городу Кемерово (21 и 27% соответственно), здесь доминируют представители среднего возраста: их доля вдвое (!) выше кемеровской. Но во всех поселках доля старшего поколения ниже среднероссийской, даже в Левенцовке, где эта доля вдвое выше, чем в других районах. Разумеется, такой возрастной состав населения создает особую среду социального взаимодействия, в том числе уменьшает число тех, кто изо дня в день наблюдает за происходящим в поселках. Пока это компенсируется большой долей молодых мам, прогуливающих с детьми, но со временем может стать фактором, снижающим безопасность [3, с. 132].

Что касается образовательного статуса жителей новых пригородов, то тут на общем фоне выделяется «Лесная поляна»: более трех

четвертей ее жителей (79%) имеют вузовский диплом против 60% в среднем по районам (см. табл. 3). Судя по всему, это также следствие «элитного» происхождения поселка, который в первую очередь притягивал экономически активных людей с высшим образованием. В Левенцовке доля имеющих высшее образование близка к средней; очевидно, ее несколько увеличивают уволившиеся из рядов российской армии (61%).

В «Крутых ключах» по сравнению с остальными районами доля обладателей вузовских дипломов самая небольшая – 44%; несколько выше она в «Южном городе» – 52%. Таким образом, образовательный статус жителей в ростовском и кемеровском микрорайонах значимо выше, чем в самарских.

Таблица 3

Уровень образования жителей новых пригородов, %

Образование	Названия пригородов				Все
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»	
среднее общее и ниже	8	6	16	2	8
среднее специальное	41	35	19	15	26
незаконченное высшее	6	7	5	4	5
высшее	44	52	61	79	60

Образовательный уровень жителей самарских поселков не выше аналогичного показателя в целом по городу. К сожалению, мы не имеем данных по Ростову-на-Дону и Кемерово, но учитывая, что их пригородные жители образованы лучше, чем самарские, а уровень образования во всех городах примерно одинаков, можно предположить, что «Лесная поляна» и «Западные ворота» притягивают к себе более образованную аудиторию своих городов.

Логично, что поскольку большинство жителей новых районов находятся в трудоспособном возрасте, основная их часть занята экономической деятельностью (70%) (см. табл. 4). Доля работающего населения колеблется от 71 до 79% (за исключением Левенцовки, где много военных пенсионеров и работают лишь 57%). Доля пенсионеров в новых пригородах крайне незначительна: от 5 до 9% (кроме той же Левенцовки – 18%). Как видим, в новых жилых районах селятся работающие горожане с высоким уровнем формального образования, преимущественно среднего возраста.

Таблица 4

Социальный статус жителей новых пригородов, %

Социальный статус	Названия пригородов				Все
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»	
работают	71	79	57	78	70
декрет и отпуск по уходу за ребенком	8	11	11	10	10
пенсионеры	9	5	18	7	10
не имеют работы	1	3	3	1	2
домохозяйки	6	2	6	2	4
вынужденный неоплачиваемый отпуск	1	-	-	-	1
студенты	3	1	5	2	3

Примерно каждая пятая жительница поселков не работает и находится в отпуске по уходу за ребенком (10% от всего населения). Опросная технология не подразумевала фиксации формального статуса отпускницы, поэтому мы не можем утверждать, что их детям пока не исполнилось трех лет. Тем не менее можно быть уверенными, что почти 20% всех женщин, и скорее всего, представители 20% всех домохозяйств поселка, проводят будние дни со своими детьми внутри поселка.

Еще 4% жителей (опять же – скорее всего, женщин) назвали себя домохозяйками, то есть не работающими и не имеющими маленьких (до трех лет) детей жителями района. Таким образом, в изучаемых сообществах почти каждый седьмой (14%) не работает и либо присматривает за детьми, либо ведет домашнее хозяйство [5, с. 69]. И так, представители каждого четвертого домохозяйства имеют возможность наблюдать за дворами и прилегающими улицами в рабочие дни, что позволяет жителям чувствовать себя в большей безопасности.

Доля тех, кто по разным причинам не имеет работы, невелика: 2% не имеющих ее вообще и 1% находящихся в вынужденном неоплачиваемом отпуске, причем все последние живут в «Крутых ключах». Студенческая «курия» среди обитателей новых пригородов также невелика и составляет 1–5%. Максимальна она в «Западных воротах», что может быть связано с близостью к новостройке кампуса Южного федерального университета. Если сравнивать данные по обоим самарским микрорайонам и по городу в целом, то доля студентов среди всех жителей Самары существенно выше. Вероятно, студенческая аудитория не является целевой для новых районов, если рядом не располагается крупный вуз [3, с. 59].

Итак, основным отличием населения пригородов является пониженная доля пенсионеров, повышенная доля работающих и женщин, находящихся в декрете и отпуске по уходу за ребенком. Возможно, проживание в более комфортных коммунальных условиях важнее для молодых семей, чем удаленность от традиционной городской инфраструктуры, в том числе медицинской.

Профессиональный состав населения поселков разнообразен. Самая многочисленная категория – специалисты с высшим образованием – 42% среди жителей всех пригородов (см. табл. 5). Доля занимающих профессиональные позиции, не требующие высшего образования, составляет 25% (служащие, рабочие). Пятая часть всех опрошенных (20%) занимают руководящие должности разного уровня.

Таблица 5

Должностной статус жителей новых пригородов, %

Должностной статус	Названия пригородов				Все
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»	
топ-менеджеры	3	6	9	10	7
менеджеры среднего звена	10	12	12	17	13
специалисты с высшим образованием	33	41	38	53	42
служащие	22	16	7	6	12
творческая профессия	1	2	1	-	1
рабочие	19	16	11	7	13
индивидуальные предприниматели	5	3	5	5	4
военнослужащие	4	1	9	-	4
другое	3	5	8	2	4

В ходе сравнительного анализа профессионального состава населения новых районов выявлен ряд региональных отличий. Так, более четверти кемеровчан, проживающих в «Лесной поляне», занимают руководящие должности (27%), а более половины их – специалисты с высшим образованием (53%). Это самые высокие показатели среди всех опрошенных.

Реже всего занятость на этих должностях отмечают самарцы, проживающие в «Крутых ключах» (13% руководителей и 33% специалистов). А вот служащих без высшего образования (22%) и рабочих (19%) среди них больше всего. В «Южном городе» доля высокопрофессиональных специалистов значительно выше, чем у соседей (41%). Однако в целом профессиональный статус самарцев ниже, чем у жителей Ростова-на-Дону и Кемерово.

«Военное» происхождение «Крутых ключей» и «Западных ворот» просматривается в доле военнослужащих среди их жителей: в 4 и 9% соответственно (в других районах – не более 1%). В традиционном городском населении группа военнослужащих представлена куда слабее: так, в Самаре их менее одного процента от числа занятых. Доля индивидуальных предпринимателей практически одинакова во всех исследованных районах – 3–5% – и сходна с аналогичной долей среди обычного городского населения (4%).

Сравнивая структуры должностных статусов в микрорайонах и «материнских» городах, отметим, что в пригородах доля руководителей всех уровней значимо меньше, а доля служащих с высшим образованием и без него, напротив, выше, чем в городе.

Теперь рассмотрим семейный статус жителей новых пригородов. Большинство из них находятся в официальном браке (72%), а еще 3% – в гражданском. 12% опрошенных не имеют брачного партнера (см. табл. 6).

Таблица 6

Семейный статус жителей новых пригородов, %

Семейный статус	Названия пригородов				Все
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»	
женат (замужем)	73	77	59	83	72
холост (не замужем)	13	10	18	7	12
вдовец (вдова)	6	4	9	2	5
не женаты, но живем вместе	3	5	5	1	3
разведен(а)	6	5	9	7	7

В региональном срезе семейный статус пригородных жителей выглядят следующим образом: меньше всего тех, кто состоит в браке, в Ростове-на-Дону (59%), а больше всего (83%) – в Кемерово. Соответственно, в Левенцовке больше всего (18%), а в «Лесной поляне» – меньше всего холостых (7%). Возможно, высокая доля никогда не вступавших в брак в ростовском микрорайоне определяется высокой долей студентов. Самарцы демонстрируют промежуточные показатели: в среднем три четверти населения пригородов состоят в браке и 12% свободны от его уз.

Если говорить о городском населении в целом, то в Ростове-на-Дону доли холостых и живущих в гражданском браке существенно выше, чем в Самаре. Сложно сказать, чем объясняется такая «ростовская особенность». Возможно, она отражает более высокую мобильность населения южных приграничных регионов страны. Очевидно,

мы имеем дело с какой-то местной особенностью, определяемой принадлежностью не к сообществу микрорайона, а к ростовской, или даже шире, южно-российской субкультуре.

Итак, можно сделать вывод, что в новые пригороды переезжают люди семейные: по сравнению с «материнскими» городами, здесь их почти на четверть больше. Можно предположить, что принадлежность к молодому поколению еще не делает человека готовым к жизни в пригороде, а вот создание собственной семьи является тут решающим фактором.

Люди старшего поколения, напротив, предпочитают оставаться там, где сохраняются их плотные социальные связи. По этой причине в пригородах сравнительно мало вдовых. Исключение составляют лишь «Западные ворота», где выше доля пенсионеров, получивших жилье от военного ведомства, и соответственно, выше вероятность встретить вдовца или вдову. Доли разведенных и находящихся в гражданском браке в новых районах несущественно отличаются от среднегородских.

Следующий пункт нашей характеристики пригородных жителей — их доход. Согласно данным опросов среднемесячный доход на семью среди всех опрошенных составил около 38 000 рублей (см. табл. 7).

При этом самый низкий показатель дохода отмечен у самарских семей, проживающих в «Крутых ключах», и семей Левенцовки — 33 тыс. рублей. А самый высокий — у кемеровчан из «Лесной поляны» — 45 тыс. рублей.

Таблица 7

Среднемесячный доход горожан и жителей новых пригородов³, тыс. руб.

Доход	Названия пригородов				Все
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»	
средний доход в городе (по опросным данным)		15	19	н/д	
среднемесячный доход	33	40	33	45	38

³ Данные о среднемесячном доходе составлены на основе сведений Росстата на 1 марта 2015 г. Опросные данные по Самаре: Проект «Медиамикс-2014», Самара, N=700, декабрь 2014 г. Опросные данные по Ростову-на-Дону: опрос 600 респондентов, март 2015 г. Для сравнения по данным сайтов застройщиков определена стоимость 1 кв. м жилья на апрель 2015 г. (тыс. руб.) в новых пригородах: Самара, «Крутые ключи» — 38; Самара, «Южный город» — 40; Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка) — 53; Кемерово, «Лесная поляна» — 38.

Источники миграции в новые пригороды

Основная часть, но не большинство, жителей микрорайонов до переезда в них жили в тех же городах (см. табл. 8). 58% обитателей «Лесной поляны» родились в Кемерово, и лишь каждый девятый (11%) приехал в город менее пяти лет назад; то есть можно предположить, что для какой-то части этой группы собственная квартира в новом районе была либо первой в Кемерово, либо второй. Для жителей других пригородов последний показатель вдвое выше (22%), но подавляющее большинство их обитателей составляют жители тех же самых городов, а не «чужаки», пусть даже приехавшие несколько лет назад в город, но не сумевшие закрепиться в традиционных его районах. Как видим, новые пригородные районы осваивают жители самих городов, совершая классическое переселение из урбии в субурбию.

Таблица 8

Источники миграции в новые пригороды, %

Источники миграции	Названия пригородов			
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»
коренные жители	42	49	33	58
Москва / Санкт-Петербург	1	-	1	1
область	27	25	31	31
другие области	23	17	33	7
страны ближнего зарубежья	7	8	2	2

Это очевидным образом противоречит гипотезе, согласно которой миграционную основу новых пригородов составляют люди, приехавшие из других городов и населенных пунктов, не нашедшие возможностей поселиться в традиционных районах больших городов и по этой причине осевшие на периферии. Напротив, в большинстве своем это — горожане от рождения, решившие перебраться в пригород в силу обстоятельств или своего желания. Эти люди как бы «освобождают» городские пространства, предоставляя их оставшимся социальным группам [3, с. 98].

Тем не менее у значительной части населения пригородов был опыт жизни вне «материнского» города: примерно от четверти до трети жили в других населенных пунктах «своего» региона. Более гомогенным в этом отношении является население «Лесной поляны», а наиболее гетерогенным — сообщество «Западных ворот». Причем, как показало обсуждение на фокус-группах⁴, «другим регионом» здесь

⁴ Групповые дискуссии по данному проекту были проведены в августе–декабре 2014 года по четыре в каждом районе.

чаще всего оказывался Волгоград. Отличительной характеристикой Самары является более заметное присутствие в новых микрорайонах переселенцев из стран ближнего зарубежья. Чаще всего это этнические русские, уехавшие из стран Средней Азии на историческую родину.

Поскольку основная часть жителей новых районов переехали из «старого города», важно посмотреть, какие именно районы стали «донорами». Так, «Лесная поляна» формировалась из жителей всех районов Кемерово пропорционально их населенности. А вот жители других пригородов переезжали преимущественно из районов, находящихся сравнительно недалеко от нового места жительства. Так, в Левенцовку мигрировали жители примыкающего к ней Советского района Ростова-на-Дону. Еще более показательна карта миграций в Самаре: «Крутые ключи» заселялись выходцами из ближайших к поселку Промышленного (22%) и Кировского (21%) районов, а «Южного города» — из аналогичных по расположению Советского (16%) и Железнодорожного (14%) районов. Здесь можно увидеть проявление так называемой «гравитационной теории» миграции, согласно которой «масштабы миграционных потоков положительно связаны с численностью населенных пунктов (или стран, регионов) и отрицательно — с расстоянием между ними» [10, с. 32].

Таким образом, изучаемые новые районы являются именно пригородами крупных городов: их население формируется преимущественно из жителей этих самых городов, и даже территориально близких районов. В результате из самого города «утекает» одна из наиболее экономически активных и успешных групп, а остаются (особенно в депрессивных районах) группы, плохо адаптированные к новым экономическим условиям, что усугубляет депрессию. Этот процесс происходит стихийно, под воздействием, с одной стороны, выгодного предложения застройщиков, с другой — возможностей и желаний поселенцев, готовых выехать из города в пригород.

Возможности такие есть. В то время как масштабные проекты советского периода не могли быть реализованы без вмешательства государства, сегодня возникновение новых районов хотя отчасти им стимулируется (как «Крутые ключи» и «Западные ворота»), но в целом является локальным проектом. Этот проект возникает в местной среде благодаря инициативе (пусть даже привнесенной иногородним застройщиком, например Интеко) и финансовой поддержке местных жителей.

Что касается причин собственно миграционных настроений, то К. Новиков, изучавший жителей Владимирской области, видит их в недоурбанизации городов⁵. В рамках доказательства данной гипотезы

⁵ Недоурбанизацией автор называет «недостаточный уровень развития городской среды и городского образа жизни» [9, с. 74]. К сожалению, он не уточняет, как именно можно измерить, хотя бы качественно, уровень развития городской среды, и тем более не инструментализирует данную переменную, являющуюся ключевой для доказательства его гипотезы.

автор приводит данные, демонстрирующие положительную и статистически значимую связь между уровнем пессимизма в населенных пунктах области и долей желающих уехать из них, и делает вывод: «оптимистичность респондентов напрямую влияет на их миграционные настроения» [9, с. 84]. К сожалению, К. Новиков использовал признак лишь для одного направления миграции. Если бы он сконструировал какой-либо показатель для измерения обратного движения миграции, например «как давно респондент приехал в город», он увидел бы отрицательную взаимосвязь между долей оптимистов и периодом проживания в городе. Именно такую взаимосвязь мы получили, когда изучали миграционное поведение тольяттинцев в период кризиса 2008–2009 гг. Дело в том, что оптимисты вообще чаще уезжают из городов (и вообще активнее перемещаются по стране и между странами), а пессимисты чаще в них остаются.

Потенциальная миграция из новых пригородов

В целом жители новых пригородов не намерены их покидать: 79% планируют жить в имеющихся квартирах и домах дальше (см. табл. 9). Еще 5% хотели бы поменять жилье, но остаться в поселке. Уехать из района предполагают всего 6%; 10% – «пока не решили». В разных городах миграционные настроения различаются. Заметно выше доля потенциальных мигрантов среди жителей «Крутых ключей» (10%) и Левенцовки (7%), причем среди последних и самая высокая доля «не определившихся» (14%). А вот жители «Южного города» и «Лесной поляны» более склонны к оседлости.

Таблица 9

Миграционные планы жителей новых пригородов, %

Планы на миграцию	Названия пригородов				Все
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»	
остаться в жилом районе	72	85	75	85	79
остаться в жилом районе, но переехать в другую квартиру	8	3	4	5	5
уехать из этого жилого района	10	4	7	1	6
пока не решил, в зависимости от обстоятельств	9	8	14	9	10

Очевидно, что если человек нашел возможность купить квартиру и купил ее в пригороде, он мог купить жилье и в другом городе, но не захотел. Скорее всего, проживание в новом пригороде указывает на готовность остаться жить в данном городе. Даже если предположить, что желающие покинуть микрорайон готовы уехать и из города в целом, столь радикальное намерение выражают немногие.

Среди горожан в целом доля намеревающихся уехать из города куда выше. Так, в Самаре к переезду готов примерно каждый пятый (21%). Таким образом, если население новых пригородов растет и, судя по всему, будет расти, а доля намеренных покинуть город там невелика, то можно предположить, что в традиционных его частях численность ориентированных на отъезд будет только возрастать. Это может вызвать эффект «отложенной жизни», когда человек не инвестирует в текущие события свои время и средства, предполагая, что когда-то у него наступит настоящая жизнь. А все затраты в обустройство двора, дома, улицы, взаимоотношения с соседями нужно отложить по причине их временности. В перспективе такие тенденции могут приводить к появлению в больших городах целых заброшенных районов.

Специалисты по городскому планированию указывают и на встречную тенденцию: превращение самих городов в субурбии. Так, на самарской сессии Московского урбанистического форума 2015 г. заместитель декана Высшей школы урбанистики, бывший главный архитектор Самары Виталий Стадников показал, что строительство мегамоллов и сопутствующих им парковок в традиционных районах города делает эти территории непригодными для специфически городского использования: прогулок, встреч, общения и проч. Наши данные показывают, что в новых пригородах, напротив, формируются соседские сообщества, характерные для традиционных городов. При этом формируются они из их бывших жителей, которые теперь уже не будут вовлечены в развитие существующих городских пространств, ослабляя их гуманитарный ресурс. По словам В. Стадникова, происходит превращение урбии в субурбию. Мы добавили бы, что для приостановки этого процесса в городах скоро не останется внутренних ресурсов.

Уровень материального благополучия в абсолютном выражении обычно мало что значит как фактор социального и тем более пространственного поведения. Куда важнее оказываются то, как человек оценивает динамику изменений, произошедших за последнее время, как он оценивает собственное благополучие, положение в районе, городе в сравнении с более широкой социальной общностью — большинством окружающих, городом, страной и проч.

По данным проведенного исследования, большинству жителей новых пригородов в условиях текущей экономической ситуации удалось сохранить свое материальное положение (см. табл. 10). Доля настоящих на том, что им удалось сохранить прошлогодний уровень достатка,

в каждом из рассматриваемых районов составляет не менее половины. Чаще других об этом заявляют жители кемеровской «Лесной поляны» (64%). Жители самарских районов «Крутые ключи» и «Южный город», по их словам, смогли даже улучшить свое материальное положение за последние 12 месяцев (так считают 21 и 26% соответственно). В новых районах Кемерово и Ростова-на-Дону доля таких «успешных» жителей гораздо ниже (14 и 11% соответственно). При этом в Левенцовке доля тех, чье материальное положение ухудшилось, достигает почти трети (31%), это самый высокий показатель в сравнении с остальными районами (22–24%).

Таблица 10

Ретроспективная и перспективная оценки материального положения жителей новых пригородов, %

Оценка материального положения	Названия пригородов				Все
	Самара, «Крутые ключи»	Самара, «Южный город»	Ростов-на-Дону, «Западные ворота» (Левенцовка)	Кемерово, «Лесная поляна»	
<i>Ретроспективная оценка материального положения⁶</i>					
ухудшилось	24	23	31	22	25
не изменилось	55	52	58	64	58
улучшилось	21	26	11	14	17
<i>Перспективная оценка материального положения (уровень оптимизма)⁷</i>					
ухудшится (пессимисты)	17	17	16	9	14
не изменится (нейтральные)	60	56	66	74	65
улучшится (оптимисты)	23	26	18	17	21
<i>Индекс оптимизма</i>	1,38	1,53	1,18	1,83	1,43

При всей важности оценок уже произошедших изменений в материальном положении значимым является то, насколько позитивно или негативно человек оценивает свое ближайшее будущее. Это будущее люди готовы встречать в определенном пространстве, которое прежде всего включает место их обитания: город, район, дом. Оптимизм

⁶ Вопрос: «Как Вы полагаете, Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) за последний год улучшилось, ухудшилось или практически не изменилось?»

⁷ Вопрос: «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

здесь представляет собой готовность инвестировать в свое будущее разного рода ресурсы: материальные – в благоустройство среды, гуманитарные – в соучастие в жизни соседской общины. Соответственно, более высокий уровень оптимизма указывает на более высокую готовность к таким инвестициям.

В целом, жители новых районов считают, что дальнейшего падения их благосостояния не произойдет и в худшем случае им удастся сохранить его текущий уровень (56–74%). Если мы рассмотрим значения индекса оптимизма⁸ [6, с. 49], то будет несложно убедиться, что во всех новых районах они заметно выше единицы (см. табл. 10), то есть везде оптимисты находятся в большинстве, что, несомненно, влияет на социальный климат.

По индексу оптимизма заметно превосходят прочих жители «Лесной поляны» (1,83). Для них характерен самый низкий уровень пессимистических настроений среди рассматриваемых территорий (9% против 16–17%), а также существенное преобладание оптимистов над пессимистами (17% против 9%). Позитивное настроение заметно преобладает над негативным и в самарских жилых районах (индекс оптимизма 1,38 и 1,53). Можно предположить, что и готовность инвестировать в свое место обитания материальные, гуманитарные и временные ресурсы здесь также высокая. У жителей «Западных ворот» уровень оптимизма самый низкий, что, скорее всего, объясняется их более высоким средним возрастом и большой долей старшего поколения.

В сравнении с населением самарских пригородов самарцы в целом менее оптимистичны: их индекс оптимизма существенно меньше единицы – 0,57, то есть на одного оптимиста приходится примерно двое пессимистов. Поскольку основная часть населения пригородов переселилась из «материнского» города, можно предположить, что дальнейший их рост будет существенно дифференцировать обитателей разных районов. В новых будут формироваться соседские сообщества, где люди готовы к взаимодействию, поскольку видят перспективу для себя и своих семей. В традиционных же останутся те, кто считает свою социальную среду неприемлемой для инвестиций своих усилий.

Заключение

Проведенное исследование показало, что новые пригороды, выросшие за последние пять лет рядом с крупными российскими города-

⁸ Индекс оптимизма представляет собой отношение доли тех, кто надеется на улучшение своего благосостояния (оптимистов) к доле опасующихся его ухудшения (пессимистов). Значение, превышающее единицу, будет указывать на доминирование в данной группе оптимистов, а значение меньше единицы – на доминирование пессимистов. Если эти доли равны, индекс будет равен 1.

ми, привлекают работающее население среднего и младшего возраста. Выдвинутая нами гипотеза, что основную массу пригородных поселенцев представляют собой жители других районов «материнского» города, подтвердилась. Переехавшие обладают более высоким социальным статусом и образованием, как правило, имеют растущие семьи, оптимистично смотрящие на мир.

Большая доля неработающих матерей и домохозяек среди жителей новых районов позволяет осуществлять наблюдение за окружающим пространством в дневное время, что повышает уровень безопасности. Постоянный контакт жителей с соседями также интенсифицирует их повседневное взаимодействие и взаимовыручку. В результате в новых пригородах люди чувствуют себя более уверенно, чем в «материнских» городах, и дают своему новому месту жительства более высокую оценку.

Все это делает новые городские пространства жизнеспособными и перспективными. Но эти же процессы вымывают из прежних городских районов гуманитарные ресурсы, оставляя там тех, кто пессимистично оценивает ближайшее будущее, не готов инвестировать в него и в окружающее пространство свои время и усилия. Очевидно, что это делает старые городские центры менее жизнеспособными.

Конечно, молодые районы, как и молодые города, неустойчивы в своем развитии: инфраструктура может прийти в упадок, статусные жильцы или их дети могут покинуть микрорайон, их места будут занимать другие социальные группы, оптимизм может смениться пессимизмом. Из данной выше высокой оценки социальной среды, возникшей в новых районах, не следует однозначно оптимистического прогноза, что они станут центром современной жизни города. Но вероятность сохранения обнаруженной тенденции вполне очевидна, поскольку традиционные районы больших городов, по крайней мере Самары, Кемерово и Ростова-на-Дону, пока не имеют никаких проектов по реновации, а следовательно, перспектив развития центральных районов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брук Д. История городов будущего / Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Strelka Press, 2014. — 436 с.
2. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011. — 473 с.
3. Звоновский В. Политика в пространстве жизненных интересов молодежи // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 1. С. 54–61.
4. Звоновский В. Социология пространства повседневности. Самара: Самарский университет, 2009. — 168 с.
5. Звоновский В., Белоусова Р. Молодежь на рынке вторичной занятости // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 2. С. 62–71.

6. *Звоновский В., Мацкевич М.* Локализация ответственности как фактор социального поведения // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 45–57.
7. *Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю.* Формы социальной активности в новых территориальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 1 (125). С. 82–90.
8. *Урри Дж.* Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. — 576 с.
9. *Новиков К.Е.* Миграционные настроения во Владимирской области в контексте проблем российской урбанизации // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 72–89.
10. *Лифшиц М.Л.* Миграционный прирост населения в России: факторы, перспективы, выводы для миграционной политики // Прикладная эконометрика. 2010. № 2 (18). С. 32–51.

Дата поступления: 07.07.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)

2015. VOL. 21. NO. 4. P. 61–79. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3066

V.B. ZVONOVSKY

Samara State Economy University, Samara, Russian Federation

D.U. MERKULOVA, J.V. SOLOVIEVA

Samara Social Research Institute, Samara, Russian Federation

Zvonovsky Vladimir Borisovich – Doctor of Sociological Sciences, Samara State Economy University. **Address:** Sovetskoy Armii st., 141, 443082, Samara, Russian Federation. **Phone:** +7 (927) 206-59-08. **Email:** vl.bell@mail.ru

Merkulova Daria Urievna – Candidat of Philosophical Sciences, Samara Social Research Institute. **Address:** Krasnoarmeiskaya st., 70, 442041, Samara, Russian Federation. **Phone:** +7 (846) 229-67-33. **Email:** research@fond.sama.ru

Solovieva Julia Vasilievna – project director, Samara Social Research Institute. **Address:** Krasnoarmeiskaya st., 70, 442041, Samara, Russian Federation. **Phone:** +7 (846) 229-67-33. **Email:** solovjeva@fond.sama.ru

NEW RUSSIAN SUBURBAN’S SETTLER: “ALIENS” OR “DOMESTIC”

Abstract. The article presents the results of a study of new urban communities formation in the suburbs of large Russian cities, particularly the demographic items of the population. Since the late 2000s, when the rise of the urban population and a shortage of affordable housing took place, projects on integrated development of areas located in the immediate vicinity of the “parent” of cities started to implement in the residential real estate market in some major cities of the Russian Federation. These areas include residential areas in Samara, Rostov-on-Don and Kemerovo.

The study is of an innovative kind not only because of the recent absence of the object, but also because of the new area's kind. In the past century, the planning of such areas used to be centralized, and the study of emerging lifestyle in the new urban districts usually took place as industrial studies (for example, in the framework of the sociological service enterprises, that gave birth to city districts). The peculiarity of the current stage of development of Russian cities is a fundamental lack of coordination of actions, strategies and interests of different social groups and institutions involved in the process of genesis of the new districts. Another important difference of the new districts is their presence in the open real estate market. It means that in the new areas there are more residents who have acquired the apartment of their choice, taking into account their advantages and disadvantages. As a result, there has been formed a specific portrait of their residents, reflecting the intentions and capabilities of people, and the analysis of this portrait will give us a foundation for seeing a part of the urban population that is the most active in this form of behavior.

The main hypothesis was confirmed: the main part of the inhabitants are residents of other cities and towns / localities that couldn't find an opportunity to move to central districts of a big city and settled on its periphery.

Keywords: city, urban, suburban, migration, everyday life, optimism, space.

REFERENCES

1. Brook J. A history of future cities. [Russ. ed.: Bruk D. *Istoriya gorodov budushchego*. Transl. from Eng. by D. Simanovskiy. Moscow: Strelka Press Publ., 2014. 436 p.]
2. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. [Russ. ed.: Dzhekobs Dzh. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov*. Transl. by L. Motylev. Moscow: Novoe Izdatel'stvo Publ., 2011. 473 p.]
3. Zvonovskii V. Politika v prostranstve zhiznennykh interesov molodezhi. [The policy in space of youth's vital interest.] *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2007. No. 1. P. 54–61.
4. Zvonovskii V. *Sotsiologiya prostranstva povsednevnosti*. [Sociology of everyday life's space.] Samara: Samarskii universitet Publ., 2009. — 168 p.
5. Zvonovskii V., Belousova R. Molodezh' na rynke vtorichnoi zanyatosti. [Youth in the secondary employment.] *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2006. No. 2. P. 62–71.
6. Zvonovskii V., Matskevich M. Lokalizatsiya otvetstvennosti kak faktor sotsial'nogo povedeniya. [Localization of Responsibility as a factor of social behavior.] *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. No. 2. P. 45–57.
7. Zvonovskii V.B., Merkulova D.Yu. Formy sotsial'noi aktivnosti v novykh territorial'nykh soobshchestvakh. [The social activities in new local communities.] *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2015. No. 1(125). P. 82–90.
8. Urri Dzh. Mobilities. [Russ. ed.: *Mobil'nosti*. Transl. by A.V. Lazarev. Moscow: Praksispubl., 2012. 576 p.]
9. Novikov K.E. Migratsionnye nastroyeniya vo Vladimirskoi oblasti v kontekste problem rossiiskoi urbanizatsii. [Migratory intentions in Vladimirskaya oblast in the perspective of Russian urbanization.] *Sotsiologicheskii Zhurnal*. 2014. No. 4. P. 72–89.
10. Lifshits M.L. Migratsionnyi prirost naseleniya v Rossii: faktory, perspektivy, vyvody dlya migratsionnoi politiki. [Migratory population growth in Russia: Factors, perspectives, conclusions for migration policy.] *Prikladnaya ekonometrika*. 2010. No. 2 (18). P. 32–51.

Received: 07.07.2015.